

Выбор 21 века

Трагические события на Кавказе и в Югославии, в Африке и в Индии неверно было бы рассматривать как чисто местные взрывы. Взрываются идеи, завезенные с Запада или возникшие после встречи с Западом.

Когда Карамзин ввел слово «развитие» (кальку с французского *developpement*), Шишков возразил, что развитие – это развитие, расщепление веревки, и ничего хорошего здесь нет. Он отчасти прав. Развитие предполагает дифференциацию без разрушения цельности, например – развитие ребенка в мужчину или женщину. Он или она приобретают новые физические черты, множество знаний и способностей, но остаются самими собой. Такова норма. К сожалению, общество не гарантировано от развала. Примитивные общества необычайно устойчивы. Цивилизации рушились одна за другой. Только очень немногие сумели найти выход из великого кризиса Древности; и сегодня нам угрожает новый великий кризис.

Зерно кризиса несла в себе уже письменность. Она позволила культуре расползтись по тысячам частных дорог, и человек, блуждая по этим дорогам, терял целое, терял главное. Письменность позволила создать имперскую администрацию и объединить десятки племен и народов под одним управлением. В имперских центрах и в торговых городах смешивались люди всех племен и расшатывались племенные нормы. Торговый, административный и (в Индии) жреческий разум поднялся до вопросов, на которые раньше отвечал только миф, и пытался создать системы, основанные на логике. Таких философских систем оказались десятки; общим итогом был скептицизм.

Истина затерялась среди множества истин. Общество держалось на привычках, сложившихся до распространения письменности, до имперского права, до философии. Но шаг за шагом шел упадок нравов.

Тогда религиозный процесс, оставив племенные культы, принес откровение, обращенное к каждому, к отдельному человеку, к личности. Несть во Христе ни эллина, ни иудея. Несть племен в буддизме, в исламе. На основе откровения возникла Главная Книга, Святое Писание. Можно было не вникать в споры философов и читать только Писание, выполнять только его заповеди. Все великие коалиции культур, вышедшие из кризиса древности, опираются на такую Главную Книгу. Мусульмане правильно называют христиан и иудеев Народами Книги (Книги, а не книг. Книги были в Александрийской библиотеке. Цивилизации, перешедшие из древности в средние века, опирались на Книгу.)

Развитие никогда не бывает простым движением от плохого к лучшему. Вместе с новым добром возникает новое зло. Все время надо искать, чем уравновесить новое зло. Мужество, мудрость и справедливость древних не могли удержать упадок Рима; понадобилось еще что-то: вера, надежда и любовь. Нельзя было сохранить империю, держась за добродетели Муция Сцеволы. Понадобилась секта, возникшая среди презренных евреев, поклонявшихся – как тогда полагали – ослиной голове. И сейчас нельзя найти выход из кризиса, просто вернувшись к вере средних веков. Но какое-то возвращение необходимо, очень непростое возвращение.

Цивилизации устойчивы, если вовремя замечают новое зло и находят противоядие к ядам, созданным историей. Экспансия вовне, расширение знаний периодически сменялись эпохами восстановления веры. Стремительный бег Нового времени на Западе несколько раз тормозился. За Возрождением пришли Реформация и Контрреформация, за Просвещением – романтизм. Эти зигзаги развития напоминают дорогу, серпантинном спускающуюся с горы (или поднимающуюся в гору). Незападные страны, подхваченные развитием, оказались в положении путника, которому

приходится лезть на стену или прыгать с обрыва. В этих условиях идеи, сравнительно мирно горевшие на Западе, стали давать взрывы.

На Западе идея Утопии подтолкнула социальные реформы и выдохлась. Не было попыток всерьез осуществить утопию (как в России, в Китае, в Камбодже). Не было потому, что головы не так сильно кружились, потому что не приходилось перескакивать из XVII века прямо в XX и из одной культуры в другую, западную (на Западе она была своей, на Востоке – чужой).

На Западе идея нации возникла в государствах, уже сложившихся в своих границах, со своим утвердившимся языком и культурой. Слово “нация” обозначило здесь переход от верности королю к суверенитету народа. Нация – это подданные короля, осознавшие себя сувереном. Вопросы о границах здесь не было (или почти не было). В Центральной Европе положение было другим. Идея нации стала здесь призывом к войне. Объединение Германии вытолкнуло Австрию (неотделимую от своей империи) и подчинило всех северных немцев воинственной Пруссии. Неясность пределов, за которыми кончается Германия, вызвала к жизни пангерманизм. Его агрессивные планы сказались накануне первой и второй мировой войны.

В Восточной Европе идея нации натолкнулась на многоплеменные империи и взорвала их. Не существует ясного различия между угнетенной нацией, способной строить современное государство, и национальностью, численно незначительной, недостаточно развитой или живущей вперемешку с другими национальностями. Идея нации привела к балканизации Турецкой и Австрийской империи. Границы выяснялись по правилу: кто смел, тот два съел, и войны оставили не зажившие до сих пор раны. С Балкан началась первая мировая война. Там продолжается и сейчас распад рыхлых великанов на воинственных карликов, создающих этническое единство с помощью этнических чисток. Национальное здесь вырождается в племенное, национализм в трибализм. Многие с ностальгией вспоминают политику национальной автономии, проводившуюся в довоенной Австрии.

Обстановка неуверенности и страха провоцирует национальную озабоченность (такую захваченность национальными интересами, которая делает неспособным понимать чужие интересы). Нация становится Молохом, которому приносятся человеческие жертвы. В том числе – интересы отдельных людей господствующей нации, не склонных к мании величия.

В крайних случаях эти жертвы принимают буквальный, кровавый характер. Национальная озабоченность переходит в этнопаранойю. Положение избранного народа утверждается без всяких юридических уловок – с автоматом в руках.

Никто не заставлял Ленина перейти от социал-демократии к большевизму. Никто не заставлял Гитлера уничтожать целые народы. И никто не заставляет сербов, хорватов и мусульман убивать друг друга. Их самих охватило безумие. Исторический процесс, начавшийся на Западе, провоцирует – перейдя на Восток – большевизм, нацизм и т.д. Но прямой вины Запада здесь нет. Один и тот же Маркс был прочитан по-разному в Швеции и в России. Китай пошел по пути Ленина, Индия – по пути Льва Толстого. Ответственность лежит на тех, кто сделал выбор.

Однако современный Запад несет миру не только идеи, оправданные в его собственном развитии и всего лишь двойственные по возможным следствиям. Крушение монархии в Иране было антизападной и антипорнографической революцией. Запад стал символом разрушения духовной иерархии, превращения святынь в «ценности», лежащие на одном уровне. «Ты любишь химию, я люблю яблоки», – сказал нигилист, герой романа Тургенева. Зло и добро доставляют одинаковое удовольствие Ставрогину, в романе Достоевского «Бесы». Свобода чувственных наслаждений и свобода каприза занимают пространство внутренней свободы. Для внутренней свободы, для свободы духа нужна известная сдержанность плоти, известная сдержанность в откликах на внешний вызов (политики или рекламы). И реакция стран ислама – знак неблагополучия на

самом Западе.

По ряду причин ислам оказался болезненно чувствителен к крайностям западного плюрализма. Тут имеет значение многое: и жесткая связь истины со словом, с арабским словом, услышанным Мохаммедом; и напряженное переживание соблазнов пола. Дальний Восток, с его образом туманного, невыразимого Пути и относительным равнодушием к сексу легче входит в современность. Фундаментализм ислама – болезненная реакция на вызов современного Запада; но это реакция на действительное зло.

Благополучие Запада держится на хороших привычках, сложившихся до XX в., на привычках дисциплины труда, ответственности, уважения к закону. Однако опыт нашей страны показывает, что все привычки могут быть расшатаны за исторически короткий срок, за несколько десятков лет. Говорят, что духовный кризис захватил только меньшинство; масса сравнительно слабо им затронута. Но маленькая трещина в кристалле может быть началом его гибели – если развитие трещины не будет остановлено.

Наконец, – последнее по счету, но не по важности – экологический кризис поставил под угрозу биосферу. Такого кризиса еще не было. Средний человек не осознал серьезности угрозы, но события будут подталкивать его и заставят понять, что необходимо совершенное изменение цивилизации; не только на неблагоприятном Востоке и Юге, но и на благополучном, благоденствующем Западе. Если Запад не поймет этого, кризис будет нарастать и может принять необратимый характер. Это трудно почувствовать, глядя на будущее из удобного кресла. И все же это правда.

Нельзя преодолеть экологическую напряженность чисто техническими средствами. Запад всегда был силен в технических изобретениях, и здесь можно только учиться у него. Но любой рост промышленности, как ни очищай ее, загрязняет природу. Нужно решительное изменение установок. Мы должны отказаться от мысли, что достоинство нации – в количественном росте ее промышленности и транспорта. Цивилизованные и передовые нации XXI в. будут запрещать расширение по крайней мере некоторых видов производства, ограничивать рост населения и оставят человеку только одну неограниченную возможность: духовного роста.

По библейскому преданию, Бог велел человеку плодиться, множиться и населять Землю. Не было сказано, что человек несет Ответственность за природу. Тогда такое предостережение не было бы понято. Природа казалась неисчерпаемой. Сейчас раны, нанесенные Земле, показывают нам, что биосфера – наше большое тело. Человеческий разум – мозг его, и этот мозг не должен приказывать рукам разрушать свое тело. Независимость человечества от природы – такая же иллюзия, как обособленность Робинзона на необитаемом острове. Можно вообразить, что цивилизация будет расширяться в космосе, захватывать новые планеты, но в реальности нам дана Земля и на Земле есть законы, через которые даже лучшая техника не может переступить. Поняв это, мы, может быть, поймем и Другое: что наш дух – только частица или, может быть, отблеск мирового духа, залив духовного океана (я не настаиваю ни на одной метафоре: здесь нельзя выразиться точно).

Экологический кризис и духовный кризис – две стороны одного кризиса, потери “целостного разумения” (Киреевский), потери чувства Целого. Царство духа рассыпалось на части, и каждая сила растет, как опухоль, и вместе со зримым ростом идет незримое разрушение. Мировая цивилизация, начавшаяся на Западе XVII в., – это цивилизация Марфы. Она позаботилась о многом и достигла многого, но забыла, как созерцать Слово (я имею в виду евангельскую притчу о Марии и Марфе). Фауст неправ: в начале все-таки было Слово, в самом широком смысле, читая как Слово и красоту Божьего мира, созерцая ее как лик Отца, как след Его творчества, как заданный нам пример. Доброе дело начинается после созерцания Слова, исходит из Слова.

Цивилизация чистого созерцания невозможна. Но современность резко перекошена в сторону Марфы, и этот перекокс можно исправить. Его необходимо исправить. Об этом писали Мартин Бубер и Мартин Хайдеггер, Габриэль Марсель и Эрих Фромм. Они описывали кризис разными словами, но подталкивало их одно.

Поворот к созерцанию вытекает из самой логики развития. В XVIII в. физиократы еще могли считать, что реальные ценности создает только труд крестьянина и горняка. В XIX в. Маркс считал основным промышленный труд (и предполагал, что при коммунизме скрипач будет четыре часа стоять у станка, а потом браться за смычок). Сейчас мы говорим о научно-технической революции, о производстве научно-технической информации. Что дальше?

В пьесе Дюрренматта физики нашли формулу всех будущих открытий. Это фантастика, но за ней стоит реальность творческого состояния. Одна из возможностей XXI в., – цивилизация, в которой созерцание, удешевляя моральные и интеллектуальные силы, будет признано вершиной культуры не только для ученых. Всякий труд, тесно связанный с созерцанием, приобретает новый смысл.

***Как это удивительно, как чудесно!
Я таскаю воду, я подношу дрова! –***

писал средневековый китайский поэт Пан Юнь. Созерцание бесконечно расширяет возможности мысли, и действия. В созерцании тонет ненависть. В созерцании исчезает привязанность к букве религии, к букве убеждений, открывается чувство истины, которая глубже слов. В созерцании рождается дух диалога, общее стремление к истине, вокруг которой мы кружимся, никогда не достигая ее в словах. Созерцание поможет нам перейти к цивилизации экономического равновесия, гармонии и духовного роста.

Вероятно ли это? Нет, конечно. Гораздо вероятнее экологическая катастрофа. Пока люди в самых цивилизованных странах видят свое счастье в накоплении новых красивых вещей, промышленность будет расти, дух сжиматься и неоткуда будет взять энергию для выхода из тупика. Наша надежда – на маловероятное. Если внимательно взглянуть в историю, все ключевые моменты ее, все решающие сдвиги были маловероятны. Физики говорят, что так же шла эволюция Вселенной. Они называют это эффектом бутылочного горлышка. Жидкость вытекает сквозь узкое горлышко и потом уже разливается внутри.

Когда стоял вопрос об освобождении крестьян, большинство Государственного Совета было против проекта. Но царь присоединился к меньшинству, и крестьяне были освобождены. Так действует и Провидение. Оно не творит заметных чудес, но поддерживает флюктуации, отклонения от инерции, которые Ему нужны. Незримая сила присоединяется к меньшинству, к слабому противоречию, и оно приобретает силу. Но Богу надо помочь. Надо создать хотя бы ничтожное меньшинство, хотя бы слабое противотечение. Эта мысль была высказана Папини, ее повторил Белль, и я повторяю ее снова. Некоторые мысли надо повторять. Тогда они теряют причудливость, странность и становятся нормой. Мысль о Боге, распятом на кресте, была когда-то «для иудеев соблазном, для эллинов безумием». Потом она стала краеугольным камнем цивилизации.

Кто мог предвидеть, что бегство Мохаммеда из Мекки в другой, еще менее известный городок Ясриб, станет началом нового летосчисления? Все великое было когда-то невероятным. Так родились не только мировые религии. Невозможно строго объяснить многое другое: возникновение философии, возникновение цивилизации, нашедшей устойчивость без имперского центра, – западной цивилизации... Несколько раз новое должно было погибнуть, но не погибало. Я не думаю, что Иисус Навин физически остановил солнце, но Бог его поддержал. Он поддержит и наши слабые попытки солидарности, попытки выхода из ненависти, попытки

диалога заклятых врагов, попытки понимания причин массового безумия.

Очень важно понять, что вызывает страх, вызывает потребность вместить страх в образ врага и потребность в вожде, который зарежет козла отпущения. Первая причина – общая неуверенность в будущем, тревога, чувство неведомой опасности, грозящей со всех сторон. У этой неуверенности много оснований; достаточно вспомнить атомную бомбу. Но верующий человек остается самим собой, что бы ни ждало его. Опора духа в вечности. Верующему все равно, сколько лет осталось нашей цивилизации: 30, 30 000 000 или еще больше. Все равно, если жизнь не имеет вечного смысла, то любая длительность – только затянувшийся кошмар. Поэтому можно сказать, что вторая причина неуверенности, на более глубоком уровне, – это бездуховность цивилизации. Торжество современной мировой цивилизации выступает как торжество бездуховности. И сопротивление натиску цивилизации можно отчасти объяснить как сопротивление бездуховности.

Что-то подобное происходит всюду, в том числе в нашей стране. Деловые люди говорят о необходимости объединения, потому что объединение экономически выгодно, а чувство восстает против бездуховности разумно устроенного мира. Я думаю, это сказывается и в сопротивлении некоторых стран Западу интеграции Европы. Чувство ведет себя как подпольный человек Достоевского, который хочет дать пинка хрустальному зданию, хочет оставаться со своими глупыми желаниями, не хочет превращаться в штифтик разумно устроенной машины. И наряду с ростом доводов за объединение всех стран, за мировое правительство, за централизованное регулирование отношений человека с природой, растет яростное этническое сопротивление, яростное сопротивление исламу, сопротивление русского православия духу современности.

Когда растет порок и раздор, когда рушится чувство долга, тогда Я возрождаюсь, говорит Кришна. Сейчас как раз наступил такой миг нового рождения Бога, нового шага религиозного процесса. Он создал когда-то племенные религии, создал мировые религии, ставшие опорой империй; он готов к следующему шагу. Этот шаг не может быть новым откровением, созданием новой Главной Книги. Мировые религии достигли глубин, которые нельзя превзойти, их нельзя отбросить, как верования эллинов и римлян. Мартин Бубер в своем “Затмении Бога” написал, что ждет нового богоявления в диалоге. Философия диалога стала одним из основных направлений современной мысли. И я думаю, что это верное направление. В средние века у шиитов возникла легенда о скрытом имаме. Наследники Али (племянник Мохаммеда) были перебиты. Но легенда поместила имама в неприступные горы, откуда он когда-нибудь выйдет. И вот, в одном из вариантов легенды, скрытый имам, явившись, не даст нового откровения; но он так истолкует все прежние пророчества, что исчезнет вражда между народами Книги. Я прочел об этом у Корбена и сразу увидел, в средневековой шиитской одежде, глубоко современную мысль.

Надо понять, что ни одна мировая религия не имеет абсолютного превосходства перед другими. Каждый шаг развития что-то дает и что-то отнимает. История может быть описана как история приобретений и история потерь. Павел не мог передать эллинам послание Христа без перевода с языка одной культуры на язык другой, и в этом переводе, как во всяком переводе, что-то было потеряно: зримый Сын заслонил незримого Отца (это сразу видно в символе веры, где Сыну посвящено столько текста, сколько Отцу и Святому Духу вместе взятым). Поэтому даже такое распространенное убеждение, что Новый Завет выше Ветхого, не совсем верно. Считается, что по совокупности черт христианство значительнее иудаизма; но в становлении церкви что-то было потеряно, и понимание Евангелия невозможно без диалога с религией, из которой оно выросло.

Принципиально так же обстоит дело в диалоге с религиями, развивавшимися рядом друг с другом, ничего друг о друге не зная. Все они росли из общей духовной глубины, и все высказались на языке времени. Предпосылка понимания - перевод символов духа с одного языка на другой и путь каждой религии вглубь, от буквы к духу. На глубине они сестры.

Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, принципиально равноправны. Мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог. Диалог начался в XIX в., когда Толстой и Достоевский, овладев западной формой романа, сумели преобразить ее и сказать Европе то, чего она раньше не знала. Он продолжался в XX в., когда европейски образованные индийцы, японцы, мусульмане начали миссионерскую работу на Западе. В современном диалоге западный интеллигент, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индиец знает Европу; образованный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры. С европоцентристской точки зрения непонятно, почему страны Дальнего Востока обгоняют динамичный Запад в своем динамизме, а в мире ислама поднялась волна контр-модернизации. Вся система образования на Западе нуждается в реформе. На II Ватиканском соборе уже было сказано о переходе к диалогу, но Запад все еще не готов к нему.

Еще важнее сердечная готовность к диалогу, готовность прислушаться к духу, который глубже слов, и почувствовать своим большим телом не только свой народ, но чужие народы, не только людей, но все живое. В моральном перевооружении нуждается и сербский снайпер, и мирный, законопослушный обыватель, давно забывший, что такое душа. Иначе при первом крутом повороте он озверевает так же, как христоробивые русские крестьяне после трех лет окопов и аккуратные немецкие труженики после трех лет безработицы и безнадежности. В бывшей Югославии мы видим не только свой вчерашний день, но, может быть, и завтрашний.

Я верю в возможность мировой цивилизации, где европейский принцип диалога наций («концерта наций») будет дополнен диалогом великих культурных коалиций, диалогом подступов к единому Богу. Но для того чтобы дух победил, нужно великое обновление. И иногда убийца (подобно Раскольникову у Достоевского) ближе к покаянию и спасению, чем ограниченный и мелкий коммерсант (в том же романе Достоевского – Петр Петрович Лужин). Все мы друг перед другом виноваты – сказал один из персонажей у того же Достоевского (в романе «Братья Карамазовы»). И в каждом из нас идет борьба духа любви с духом раздора и гибели. Вопрос о будущем всегда открыт.

Послесловие, прочитанное в Риге 17 сентября 1994 г.

Что из всего этого следует для России?

Во-первых, понимание причин, подталкивавших Ленина и других революционеров. И три четверти российских избирателей, голосовавших в 1917-1918 гг. за террористические партии (большевиков и эсеров), а не за умеренных социалистов или умеренных либералов. Это важно, чтобы освободиться от комплекса неполноценности за прошлое, хотя не снимает вопроса о трагической вине (трагической, а не глупой).

Во-вторых, следует перенести акцент с проклятий прошлому и поисков виноватого на перспективы будущего, на задачи России в мировом историческом процессе.

Национальное можно вообразить себе как дерево, растущее из собственных корней, независимо от других; а можно – как роль в общей драме, как неповторимый стиль решения общих задач. Первое больше подходит к изолированным племенам, живущим вне истории, или к малым народам на периферии истории; их задача – сохранить себя, не потеряться, сберечь свой лепесток в мировом соцветии. Русская традиция – другая. Что-то в ней устойчиво, что-то всплывает из века в век, но самая характерная черта, затмевающая все другие, – это захваченность мировым,

вселенским, мировой размах. Его не оберегают, как суздальские церкви. Он сам себя несет над бездной.

Гилель как-то сказал: «Если я не за себя, то кто за меня? Но если я только за себя - зачем я?» «Зачем» называется иногда идеей. Я не думаю, что русскую идею можно положительно сформулировать; но в русской культуре заложен порыв решать мировые загадки. Достаточно раскрыть любой роман Достоевского или Толстого, и вы убедитесь, что я прав. Хотя у Достоевского была в уме заранее предписанная русская роль в истории, а у Толстого этого не было, и вообще в истории он не находил никакого смысла. Неважно. Мировые загадки решали они оба и волю к таким решениям оставили нам в наследство.

Без веры в свою способность решать последние вопросы не состоялся б наш прыжок в утопию и не состоится выход из развалин утопии. Без поисков своей всемирной роли Россия – не Россия. Экономически, политически Россия может опускаться до полного ничтожества, но духовно она довлеет себе. Ее роль в мировой трагедии (или мистерии) напоминает роль ищущих героев Достоевского, запутавшихся между адом и раем. Такую роль можно сыграть по-разному, но артист перестает быть самим собой, если у него нет чувства роли, если ему нечего зубрить наизусть, шататься по городу и репетировать.

Россия непременно войдет в финал (гибель биосферы) или в полуфинал, в очередной поворот мировой цивилизации к новому кругу задач. Стоит потрудиться, чтобы страна нашла правильный выход. Это всемирно-историческая задача. И рынок, представительная демократия и т.п. – только условия для развития “сильно развитой личности” (Достоевский), способной участвовать в решении мировой задачи.

Многие трудности России, на первый взгляд частные, имеют всеобщий характер. Мы непосредственно, у себя дома, сталкиваемся с соперничеством мировых религий, с ростом отчуждения и ненависти между исповеданиями, ставшими чем-то вроде враждебных племен, и с племенными распрями. Мы непосредственно граничим с двумя незападными цивилизациями, да и Запад не совсем наш. Еще Чаадаев поставил перед Россией задачу диалога со своими великими соседями. Каждая удача на пути к мировой солидарности и к общему равновесию с природой имеет глобальное значение. Каждый провал открывает ворота хаоса.

Пока что удач мало, провалы – каждый день.

От нынешних имперских экспериментов и страшно, и стыдно. Страшно, потому что Бендеры и Москва не разделены океаном. И стыдно за грязные войны.

Кругу «Дня» и «Завтра» не стыдно. Эти люди воспевали подвиги воинов-интернационалистов, а сейчас – стыдно, что такие подвиги прекратились, что Европа освободилась от страха русского вторжения. Им хочется восстановить старый образ величия. Мне хочется нового.

И прежде всего – это величие культуры. Традиция – не только мощи, к которым прикладываются, боясь тронуть. Традиция несет в себе возможности, которые надо использовать, не боясь ошибок, не боясь ересей. Ересь – это первый неловкий шаг на новом пути, первое, слишком прямолинейное решение; оно ценно как постановка вопроса. Ни одна догма не родилась без предшествующей ереси. Догма – ответ на ересь, ответ с большей, не сразу откликнувшейся глубины. Когда страх ереси сковал церковь, догматическое творчество прекратилось. И остались замороженными в текст открытия ранневизантийской мысли – категории тринитарного мышления: единосущность, равночестность, неслиянность-нераздельность... А между тем в этих категориях можно мыслить не только единство Бога и человека, но и единство разных вер и культур, не стирая их логически несовместимых различий, и размороженное тринитарное мышление может стать русским вкладом в мировой диалог, стать

грамматикой вселенского диалога... Я думаю, русская культура полна подобных возможностей.

Мне возразят: не до жиру, быть бы живу. Это жалкая логика. Есть люди, у которых ситуация стресса вызывает второе дыхание. (Стресс – источник великой динамики.) Я убежден, что в России характеры с упругой волей найдутся. Они нашлись в 1941-1942 гг. Они и сегодня действуют, вопреки хаосу; я встречал таких людей. И сознание всемирно-исторической цели удесятерит их силы.